

Предисловия

В том, что Вячеслав Малежик, помимо уникального таланта композитора и исполнителя, обладает несомненным литературным даром, я убедился давным-давно, ещё в те годы, когда мы вместе выступали на «вечерах-сборниках», которые на различных сценах щедро устраивал комсомол. Под таинственный, серебряный рокот гитары он своим удивительным голосом пел собственные, настоящие стихи, а другие, порой очень хорошо, исполняли чужие тексты. Могу ошибиться, но, по-моему, как прозаик Малежик дебютировал на широкую аудиторию именно в «Литературной газете», которую я в ту пору возглавлял. А когда он по-дружески показал мне свою оригинальную прозу, я горячо рекомендовал её одному из наших крупнейших издательств. Как и в песенном творчестве, в литературе Малежик чрезвычайно разнообразен, он изящно вводит в повествование элементы фантастики, мистики, детектива, владеет искусством художественной детали, умной иронии, сочетающейся с искренним чувством и щемящей ностальгией по временам, когда «мы так любили “Битлз”».

Я очень рад, что с выходом этой книги взыскующая публика сможет не только слушать, но и читать блистательно-го Вячеслава Малежика.

*Юрий Поляков, писатель,
лауреат Бунинской премии*

Вячеслав Малевич. Птицы перелётные

В своей новой книге Вячеслав Малевич подтверждает оригинальность стиля и «чувство пути», без которого, по замечанию Александра Блока, не бывает Поэта. Она, как и предыдущие, в основе своей автобиографична. Поэтому портреты её героев лаконично-зримыми строками нарисованы так объёмно и многогранно. Радует то, что литературный голос Вячеслава окреп и возмужал. Уверен, что его «Птицы перелётные» долетят до чутких сердец наших читателей!

*Юрий Ремесник, член Союза писателей России,
соавтор нескольких песен из репертуара Вячеслава Малевича*

С первых же строк книги погружаешься в волшебный аромат эпохи. К тому же подготовленный и посвящённый читатель, а на таких можно рассчитывать, без всякого труда расшифрует несколько представленных прототипов медийных персонажей. Чёрт возьми, чем же Графский не Градский, а Эскин не Лерман?! Да и кто скрывается в главной роли — тоже отнюдь не секрет. Пусть это, конечно, и не документальная книга, и представленные события, безусловно, не в полной мере отражают исторические коллизии, но дух прошлых лет, лет зарождения отечественного рок-н-ролла, передан довольно симпатично и дословно. И уж куда более полно, чем в некоторых нынешних лубочных киновариациях и пресловутых мемуарах. Без сомнения, получился срез времени и судьбы, срез целого поколения.

Книга — почти готовый сценарий фильма. И дорогой читатель, имея толику воображения, легко представит себе его, выбрав по своему вкусу актёров и актрис, одобренных проверенным слогом московского биг-бита. Представьте — и вы окунётесь в волшебный мир. Только представьте — и «Птицы перелётные» прилетят к вам и помогут!

*Григорий Макаров, соавтор нескольких песен
из репертуара Вячеслава Малевича*

Птицы перелётные

(повесть)

ЧАСТЬ 1

ПТИЦЫ

В последнее время я всё чаще пускаюсь «по волне моей памяти» в те годы, когда мои сверстники делали первые шаги в своей взрослой жизни. Годы, когда увлечения вытачивали остов будущей профессии, а удачи и ошибки формировали мастерство и характер, сиюминутный успех и судьбу.

Я поведаю историю двух друзей — Андрея и Игоря; историю, которую мог бы прожить и кто-то ещё, смертельно влюбившись в гитарную музыку и рок-н-ролл. И начну я с эпизода, когда наши герои в конце сентября 1964 года спустились в подземный переход у метро «Перспект Вернадского», чтобы послушать своего соседа Серёгу Ерохина, который устроил импровизированный концерт для случайных прохожих.

1

Серёга Ерохин взял ми-минорный аккорд и прислушался, как звуки гитары, отразившись от стен перехода, наполнили их незатейливую концертную площадку. Милиционер и женщина-дворник остановились в некотором отдалении от Ерохина и сопровождавших его парней и девчонок, чтобы проследить за развитием событий.

У парней тоже были гитары, они готовились вступить, чтобы поддержать своего лидера. И он, дождавшись момента, когда стихнет последний отзвук его инструмента, запел. Это была песня Жана Татляна «Фонари». Ребята рядом с Ерохой постепенно поймали его ритм и начали играть вместе с ним. Мощная звуковая лавина, которую создавали три пацана с гитарами, невольно заставила поздних прохожих замедлить свой шаг, а кого-то и просто остановиться, чтобы послушать этот импровизированный концерт в подземном переходе, что был на выходе со станции «Проспект Вернадского». Ероха уверенно солировал в запеве, а затем вместе со своей «бандой» грянул припев. Девчонки, сопровождавшие мальчишек, тоже встроились в этот хор, и получилось очень даже неплохо...

— «И не дают они людям сбиться с пути...»

Ребята пели довольно складно, а кто-то даже построил в вокальной партитуре терцию, и получилось почти как у Татляна. Всё это делалось с каким-то, не побоюсь этого слова, отчаянием. После второго припева один из гитаристов, долговязый носатый блондин, начал на тонких струнах играть мелодию; другой, полный парень в пёстрой кепке, принялся что-то там дергать в басовом регистре. А девчонки хлопками добавили ритма. Потом Серёга снова вступил и, сделав в конце песни замедление, которое музыканты назвали бы раллентандо, эффектно закончил «Фонари». Невольные зрители зааплодировали, и Серёга театрально раскланялся перед своими неожиданными поклонниками.

Андрей и Игорь стояли чуть в стороне и наблюдали за происходящим. Ещё утром Ерохин пригласил их на своё «выступление». Серёга, с их точки зрения, уже был практически взрослым парнем, работал то ли на заводе, то ли ещё где-то, и гитару прикупил на свои кровные, не прибегая к помощи родителей. К своим новым друзьям,

Андрею и Игоряхе, он относился снисходительно, хотя был старше их всего на год. Но обладание непустым кошельком и покровительство авторитетных ребят, которых он называл мужиками, давало ему основание вести себя с ними этак снисходительно-участливо. В глубине души он понимал, что ребята владеют чем-то таким, что не даёт ему возможности чувствовать себя полноценным вожаком стаи, но он гнал от себя эти мысли. И невольно искал их дружбы... Дружбы этих одиннадцатиклассников, которые тоже играют на гитарах, но вдобавок умеют петь по-английски — непонятно о чём, однако было в этих песнях что-то такое, от чего у Серёги иногда опускались руки... Он не понимал, как они играют эту музыку, какие аккорды берут и как поют на голоса, почему их песни звучат так лирически проникновенно и так лихо, что хочется под их заводное пение начать танцевать. Он эти записи слышал уже на магнитофоне у своих друганов, вот только когда Игорь с Андреем пели живьём, они проникали в душу Серёги значительно глубже.

— Это потому, что они играют на шестиструнных гитарах, а у меня семь струн, — сам себе объяснял он.

Душа болела, но подойти к ним и спросить, как и почему, не позволяла дурацкая гордость. Вообще-то Серёга узнавал звучание аккордов в игре ребят, и он знал, что тоже их использует; но как их собрать вместе и расположить в нужном порядке... Не получалось, хоть ты тресни! Не один вечер он посвятил себя попытке разобраться в секретах Игоря и Дрона, но где-то что-то не срасталось, а попросить ребят объяснить он никак не мог себя заставить. А потом он оказывался в компании своих взрослых дружков, и умение спеть «Серебрится серенький дымок...», «По тундре...», «Я помню тот Ванинский порт» возвращало Серёге комфортное настроение, и мысли о рок-н-ролле уходили куда-то в сторону.

2

— А он неплох, — сказал Игорь, повернувшись к Дрону.

— А я тебе о чём говорил! — откликнулся Андрюха. — Он даже не понимает, как здорово поёт.

— Ты говоришь, он живёт в твоём доме?

— М-м-м, ну да, в первом подъезде. Он узнал, что я играю на гитаре, и позвал послушать себя и свою «банду». Конечно, они играют всякую туфту, а так... Кстати, обрати внимание, они даже гитары подстроили, а это уже хороший знак. Он мне говорил, что однажды слышал, как мы с тобой пели в моей квартире. Это мы с тобой так орали, что было слышно на улице! А меня одного он слышал несколько раз. Мы часто играли в подъезде, там так звучит... э-э-э... говорят, в церкви такое же звучание.

— Скажешь тоже — в церкви...

— А что? Ты же слышал вокал на пластинках Пресли? Как будто его записывали в храме...

— Ага, или в твоём подъезде... Дрон, вот ты говоришь, создадим группу — а где мы возьмём гитары со звукоснимателями? Как мы их озвучим? Ты же понимаешь, что контрабас не будет звучать, как бас-гитара.

— Игорёк, завтра я тебяведу на экскурсию в магазин «Лейпциг», и ты увидишь настоящую бас-гитару, а ещё соло и ритм. Погоди, давай ещё послушаем. Они какой-то инструментал затеяли.

Ерохин и товарищи начали неспешно играть популярную песню «Рыжик» из репертуара Тамары Миансаровой. Прохожие со всё возрастающим интересом слушали ребят, но потом кто-то сказал, что появились милиционеры, и ерохинская компания в темпе покинула «сцену», причём каждый гитарист ушёл в свой выход, дабы сбить блюстителей порядка со следа. Но никто их след брать не собирався, и представитель власти неспешно ушёл в сторону

кинотеатра, а жизнь подземного перехода вернулась к своему обычному режиму.

— Ну что, пошли? Я всё понял. Да, твой Ероха хорош. Но у него своя группа, и вряд ли он захочет играть с нами, тем более наших Shadows. Зачем ему, умеющему петь, нужны мы? — начал нудить Игорь.

— А мы его научим нашей музыке. Она значительно интересней его бесконечной «цыганочки». И потом — он же должен... м-м-м... расти!

— А он об этом знает?

— Так мы его спросим. А ещё мы предложим ему петь в нашем ансамбле, а мы будем у него на подпевках.

— Да петь «битлов» у нас и без него неплохо получается!

— Неплохо, — оптимизм Дрона зашкаливал, — а надо, чтобы мы были лучше всех. Короче, завтра я зову тебя и Ероху в «Лейпциг» и попробую его уговорить поиграть с нами на басу...

— Только где его взять?

— А мы... м-м-м... сделаем этот бас!

— Дрон, не дури. Какой из тебя Страдивари?

— Никто из нас с тобой и не будет делать басовку. Я знаю Серёгу. Когда я, добыв дерево и инструменты для производства этого баса, скажу, что решил его смастерить... Да он меня тут же «уволит» и доделает всё сам! А он, к слову, большой мастер — что брюки сшить, что электричество починить, что гитару сделать. Вот увидишь...

— Да зачем мы ему? Он и так герой для своих бандюганов.

— Вот посмотришь, он сделает бас, и ему захочется на нём сыграть. У него-то усилков нет, и никакая гитара такого низа не даст, как наша будущая басовка через аппарат.

— Ну, Дрон, ты даёшь... У нас нет баса, нет усилителей, а ты говоришь об этом, как будто всё это в фабричной упаковке ждёт нас и мечтает, чтобы мы на этом сыграли.

— Игорёк, у нас этого нет, зато у нас... м-м-м... есть мечта на этом сыграть, а это даже более мощный аргумент, чем все твои дурацкие сомнения. Кстати, ты в курсе, что у нас в актовом зале есть кинопроектор и усилитель «Кинап»? Так вот я с киномехаником уже обо всём договорился.

— О чём?

— О том, что он поможет наши электрические гитары, которые мы обязательно приобретём, подключить к акустической системе актового зала. Вот так!

— Класс... Ну что, ко мне? Поиграем и попоём что-нибудь, пока родители не легли спать?

— А-а-а... не, — наконец выкатил свою фразу Дрон, — мне ещё надо сочинение дописать, а то меня предки сожрут.

— Что ж, привет предкам. У тебя мамашка просто чудовая! Она со мной общается, как подружка... Тебе с ней повезло.

— Ладно, не тяни на своих, они у тебя тоже очень даже ничего. А моя матушка... Так она на «Мосфильме» работает — волей-неволей должна соответствовать. Всё, пока!

— Пока.

3

Родители Игоря получили квартиру в новом московском районе, и его семья теперь соседствовала с журналистами и дипломатами, работниками органов и профессурой московских вузов. Он начал невольно сравнивать и анализировать жизнь, а ещё принялся читать нужные книги, которые ему подкидывала старшая сестра, учившаяся в продвинутом архитектурном институте. Фамилию Игорь носил Кулик, и в старой школе его никто не звал по имени — все величали его Куликом, правда, кто-то

пытался назвать его Птицей, однако это прозвище к нему не прилипло, и в новую школу он пришёл просто Игорем Куликом. Но как-то раз кто-то назвал его Болотом, и это прозвище приросло, точно родное, и вскоре он уже отзывался на него, и это никак не напрягало парня.

Наверное, лишние квадратные метры повлияли и на родителей нашего героя, и однажды отец подарил ему приёмник «Сакта», и Болото все вечера рыскал по коротким волнам, разыскивая забугорные песни. Он к тому времени окончил музыкалку по классу баяна, и его просто не могла не заинтересовать эта мелодичная, с красивыми гармониями, сыгранная на необычных инструментах музыка. Энергия, с которой пелись эти песни, увлекала и подчиняла Игоря. И он, вникнув в суть новой для него культуры, начал её примерять на себя. Сначала он попробовал сыграть полюбившиеся мотивчики на баяне. Получалось похоже, но как-то не так.. Как — не так, он ещё для себя не решил, но не так. И Игорьь никому не показывал, как звучит «Twist again» на трёхрядной гармошке. Но однажды его школьный сосед по парте Юрка Давыдов сыграл тот же твист на гитаре — и Болото понял: «Вот оно! Гитара, гитара и ещё раз гитара».

Вы помните, что сердобольный Никита Сергеевич Хрущёв ввёл в те годы в школах производственное обучение, и Болото, как и все его сверстники, учился 11 лет, параллельно получая профессию авторемонтника. Практику класс Игоря проходил на автобазе, и за год он научился притирать клапана в распределительном блоке автомобиля и мыть в мороз в солярке грязные детали движка машины. И была первая зарплата, и на неё Болото купил себе недорогую, впрочем, и не самую дешёвую гитару. Какое-то время он откладывал момент освоения инструмента, зато после «выступления» Юрки Давыдова он решил, что время пришло. Кстати, Игорьь, наверное, исходя из эстетических соображений, купил себе шестиструнную